

- На сцене — юность
- Из архива М. Пришвина

ЖИВОЙ ВИХРЬ

...Звучит яростная барабанная дробь. Луч света прорезает темноту и освещает на сцене стройную фигуру юноши в черной черкеске и белом башлыке. Юноша весь обратился в слух, он почти касается щекой боевого барабана, фигура напряжена, как тетива лука, и во всем теле живут лишь ладони — они стремительно бьют по барабану. И вот призыв услышан — откликнулся второй барабан, третий, четвертый... Лучи света выхватывают из темноты замершие фигуры горцев. Горизонт окрасился в зеленовато-синий цвет рассвета, и вдруг фигуры срываются с места в яростный танец-полет. Они несутся по кругу, вздымаются полы их черкесок, за головами бьются, как крылья, концы белых башлыков, а ладони все стремительнее и стремительнее бьют в барабаны. Темп становится все быстрее и быстрее, весь зрительный зал уже раскачивается в этом невероятном бешеном ритме, на сцене мелькают вспышки красного света, несутся гортанные выкрики: еще, еще, еще!.. И никакой музыки, только барабанная дробь.

Вся хореографическая сюита длится лишь несколько минут. Называется она «Ритмы Кавказа». Исполни-

учениях, в пустом доме офицеров лишь он ковыляет да гарнизонный ансамбль песни и пляски репетирует, готовится к смотру армейской самодеятельности. Чтобы быстрее войти в спортивную форму, спрятался в соседней комнате за полуприкрытой дверью и начал повторять под музыку весь танцевальный тренаж. Не заметил, как выучил все номера программы.

А дальше события развивались, как в плохом кинофильме. За час до торжественного концерта выясняется: заболел один из солистов ансамбля. И тогда вышел из-за двери, прихрамывая, солдат с палочкой: можно, я попробую?.. Присутствующие, несмотря на драматизм ситуации, захохотали. Солдат аккуратно прислонил палочку к стене и пошел вприпрыжку — всю программу, номер за номером, от начала до конца, без музыки и без партнеров. А еще через двадцать минут вышел на сцену — впервые в жизни.

И еще год он служил, играл в футбол и танцевал одновременно. А новое увлечение затягивало все больше и больше. Так и получилось — слесарь-инструментальщик Борис Кобринский ушел в армию футболистом, а вернулся в Киров танцо-

сиональные художники, и хорошие музыканты, и балетмейстеры-репетиторы. Но ему все равно мало...

В известной песне поется, что бывает зависть черная и бывает зависть белая. По аналогии, наверное, можно сказать, что жадность тоже бывает черная и белая. Борис Кобринский — человек, обуреваемый «белой жадностью» — жадностью творчества, жадностью ко всему новому, жадностью попробовать свои силы везде, где только можно. Это жадность, которая сродни жажде.

Мало своего ансамбля, он берется ставить танцы и в культпросветучилище, и у солдат, и в филармонии, работает круглосуточно и чаще всего бескорыстно. Это человек одержимый танцем, он мыслит танцем, чувствует танцем, дышит танцем, живет танцем. Но и просто танца ему тоже мало. Пробует, экспериментирует — соединяет танец с пантомимой, с акробатикой, с песней, со стихом, пробует себя в смежных жанрах...

Работала в филармонии пара обычных акробатов — Светлана и Григорий Булановы. Показывали они стойку на голове, салто. Надоело. Попросили Кобринского помочь, и родился отличный эстрадный номер. Звучит популярная народная мелодия в исполнении ансамбля электронных инструментов, и на сцену выходит богатыйрского вида Иванушка-дурачок из русской сказки. Сбрасывает со спины мешок с глиной и на глазах у зрителя «лепит» под музыку девушку — не то игрушку, не то царевну. И начинается нечто невероятное — фейерверк трюков, красок, синтез танца, пантомимы, эксцентрики и акробатики.

Спрашиваю: почему при таком обилии и разнообразии работы и интересов не бросить совсем ансамбль и не начать постоянно работать в филармонии или театре?

Отвечает сразу, как давно выношенное и решенное: «Понимаешь, не могу видеть спокойно это папанье в подворотнях. Им и четырнадцать еще нет, а уже сутулые, расхлябанные, курят. Я ж из них за год красавцев делаю».

В этом главное. Хореограф, балетмейстер, тренер, постановщик номеров — все это так. Но главное — педагог, воспитатель.

В старшей группе ансамбля — 50 человек, в младшей — 60. Репетируют четыре раза в неделю, то есть, практически все свободное от занятий время. Прямо от токарного или фрезерного станка становятся к станку балетному. Каждая репетиция — три часа с одним десятиминутным перерывом. Каждое занятие предельно насыщено. Полтора часа идет разминка, одно упражнение сменяет другое — до седьмого пота. А затем повторение всех старых номеров, отработка новых, танцы, танцы, танцы... Кажется, от этой каторжной работы на край света сбежишь. И, бывает, кто не выдерживает, бежит, но потом, как правило, возвращается снова — не может уже жить без танца. И тогда такой труд становится сначала потребностью, а потом радостью. Каждый год 120 новых мальчишек и девчонок приходят поступать в ансамбль. И Кобринский берет всех. Ибо в отличие от многих других руководителей прославленных коллективов не ставит во главу угла достижение успеха, но в первую очередь — воспитание Человека танцем и музыкой.

И вот в Москве на Всероссийском смотре художественной самодеятельности училищ профтехобразования кировский ансамбль оказался самым молодым: лишь немногим его участникам исполнилось 17 лет. А в этом году коллектив опять обновился. Мальчишки с едва пробивающимися усиками, девочки с белыми бантиками в косичках, и во все стороны торчат ключицы, лопатки, уши. Этакая стайка угловатых утят-нескладеньшей, пришедших учиться на лебедей. И первые же их танцы об этом — о становлении человека.

Вот «Солнечный зайчик». Жили в одном дворе мальчишка и девочка, дружили и ссорились, играли и дрались, бегали в школу и лупили друг друга портфелями. Но пришла весна, взяла девочка зеркала, пустила в мальчика «солнечного зайчика», и он поймал его в раскрытую ладонь... Стоят друг перед другом двое переступивших порог детства людей. В этом танце нет «точек», он кончается многозначим, павозой, в которой для зрителей звучит fuga Баха.

Всего несколько месяцев прошло с начала занятий, а у новичков уже появилась и осанка, и грация, и пластичность.

Кончается репетиция. «Поблагодарите», — говорит Кобринский. Стройные, подтянутые мальчишки склоняют голову в поклонском «кавалерском» классическом, грациозные, изящные девочки приседают в старинном реверансе. Оркестр играет туш...

А. СИЛИН

тели — солдаты, участники ансамбля песни и пляски Кировского гарнизона. Поставил сюиту Борис Кобринский.

...Мальчишки и девочки самозабвенно, взахлеб пляшут в сюите «Дружба народов». Украинский гопак, белорусская бульба, русский перепляс, цыганочка... Раскраснелись лица, глаза горят, а что вытворяют руки, ноги, и уследить невозможно.

Вот один из танцев — башкирский. Танцуют только мальчишки: в мохнатых папах с луками в руках — это охотники. А один, без лука, — орел. Весь его танец построен на калейдоскопе прыжков: кажется, что он парит, а не пляшет. Вокруг орла широкими скачками мчатся охотники — догоняют, стреляют, ловят. Элементы танца народного и ритуального слились воедино, родился совершенно оригинальный номер.

Это выступает народный ансамбль танца Дома культуры профтехобразования города Кирова. Основатель, руководитель и главный балетмейстер ансамбля — Борис Кобринский.

...В областном драматическом театре премьеры — мюзикл «Целуй меня, Кэт!» В программе написано: «В клоунаде, пантомиме и танцах заняты...» — и далее восемь женских фамилий. Эти молодые актрисы исполняют все интермедии: изображают то классических шекспировских шутов, то современных американских гёрлс в расклеванных брюках и тегаских шляпах: играют гангстеров, лихо распеваящих куплеты, сопровождая это пение четкой фехтованием и стрельбой: танцуют в пародийной сценке «Шесть ковбоев и один бык», — одним словом, делают все, что нужно, чтобы получился веселый, озорной мюзикл.

«Клоунаду, пантомиму и танцы» поставил Борис Кобринский.

История эта почти неправдоподобна. Был мальчишка, как все: в меру шалил, в меру был послушным, вот разве что с самого раннего детства очень увлекался спортивной гимнастикой. Еще девяти лет не исполнилось, а уже возили его в Москву на какие-то спортивные выступления. В срок первом кончилось детство. В один день, минуя юность, двенадцатилетние мальчишки становились мужчинами, кормильцами. Пошел Борис на завод подсобным рабочим. Но возраст сказывался и тогда — мальчишки после работы гоняли консервную банку по двору, выбивали ею стекла, бегали от разъяренных жильцов. Футболом Борис «заразился» надолго и основательно. В 20 лет молодой слесарь-инструментальщик уже выступает за сборную республики. А когда призвали в ряды Советской Армии, продолжал играть в команде округа. И вдруг несчастье — тяжелая травма обекон ног. Хирург был непреклонен: в футбол тебе, брат, больше не играть, увилька ходить. Это был первоклассный хирург, но, очевидно, не очень хороший психолог. Едва подъялся солдат на ноги (с палочкой, с костыльком), начал тренироваться, разрабатывать непорушенные суставы, преодолевать страх, стыд, боль. С утра весь полк на

ром. Пошел работать мастером производственного обучения в техническое училище. А тут как раз при доме культуры ансамбль танца организуют. И стал мастер слесарного дела в свободное время танцевать в новом ансамбле и поменьше других этому искусству учить.

С этого момента говорить отдельно о Кобринском и об ансамбле уже нельзя. С ансамблем связано у Кобринского шестнадцать лет жизни, шестнадцать лет труда, шестнадцать лет нервов — и считанные дни успехов и побед.

Первая постановка — хореографическая картина «Дымковская игрушка» — вся на местном вятском материале, местных мелодиях, орнаментах, красках. Купчихи и барыни, дамы и водоносы, франты и гусары, кавалеры и солдаты, медведи и козы, будто только что вышедшие из рук легендарных дымковских мастеров, ожили на сцене. Знаменитые дымковские расцветки, перенесенные на костюмы танцоров, точно угаданная пластика глиняных фигурок — все это покорило зрителей. Танец стал «фирменным», он дожил до сегодняшнего дня как марка, эмблема ансамбля.

Молодой коллектив заметили и уже через год направили в Москву для участия во Всемирном фестивале молодежи и студентов. Ребята танцевали на торжественном концерте открытия и прямо на брусчатке Кремля, на ВДНХ и на открытых концертных площадках... Много увидели и поняли главное — в искусстве нельзя быть дилетантом. И на этом заканчивается история слесаря-танцора и начинается история педагога-балетмейстера.

Легко ли взрослому человеку, только что ставшему счастливым отцом семейства, имеющему хорошую, высокооплачиваемую работу, находящемуся в зените успеха, бросить все и начать свою жизнь заново?.. Не прекращая работы в ансамбле, Борис Кобринский заканчивает двухгодичные курсы балетмейстеров Кировского культпросветучилища. Мало. Заканчивает курсы по повышению квалификации при ГИТИСе в Москве. Мало. Ежегодно ездит на полтора — два месяца в Ленинград на Высшие курсы при Вагановском училище. И все равно — мало, мало, мало! Учится везде, где можно, впитывает знания, как губка, изучает быт, костюм, нравы разных эпох и народов, собирает целую библиотеку книг по живописи, скульптуре, прикладному искусству.

И одновременно растет коллектив. Поездки по Союзу, хвалебные отзывы в прессе, выступления по телевидению, съемки для кино, золотая медаль Артека и серебряная медаль ВДНХ, диплом первой степени и звание лауреата на Всероссийском смотре художественной самодеятельности, участие в фестивале дружбы советской и японской молодежи, поездки в ГДР, Польшу, Румынию, Болгарию, репетиции, работа, нервы, пот. И все новые и новые танцы: Кобринский сам сочиняет рисунок танца, сам ставит, сам подбирает музыку, сам придумывает костюмы, сам устанавливает свет, все сам. Хотя есть и профес-